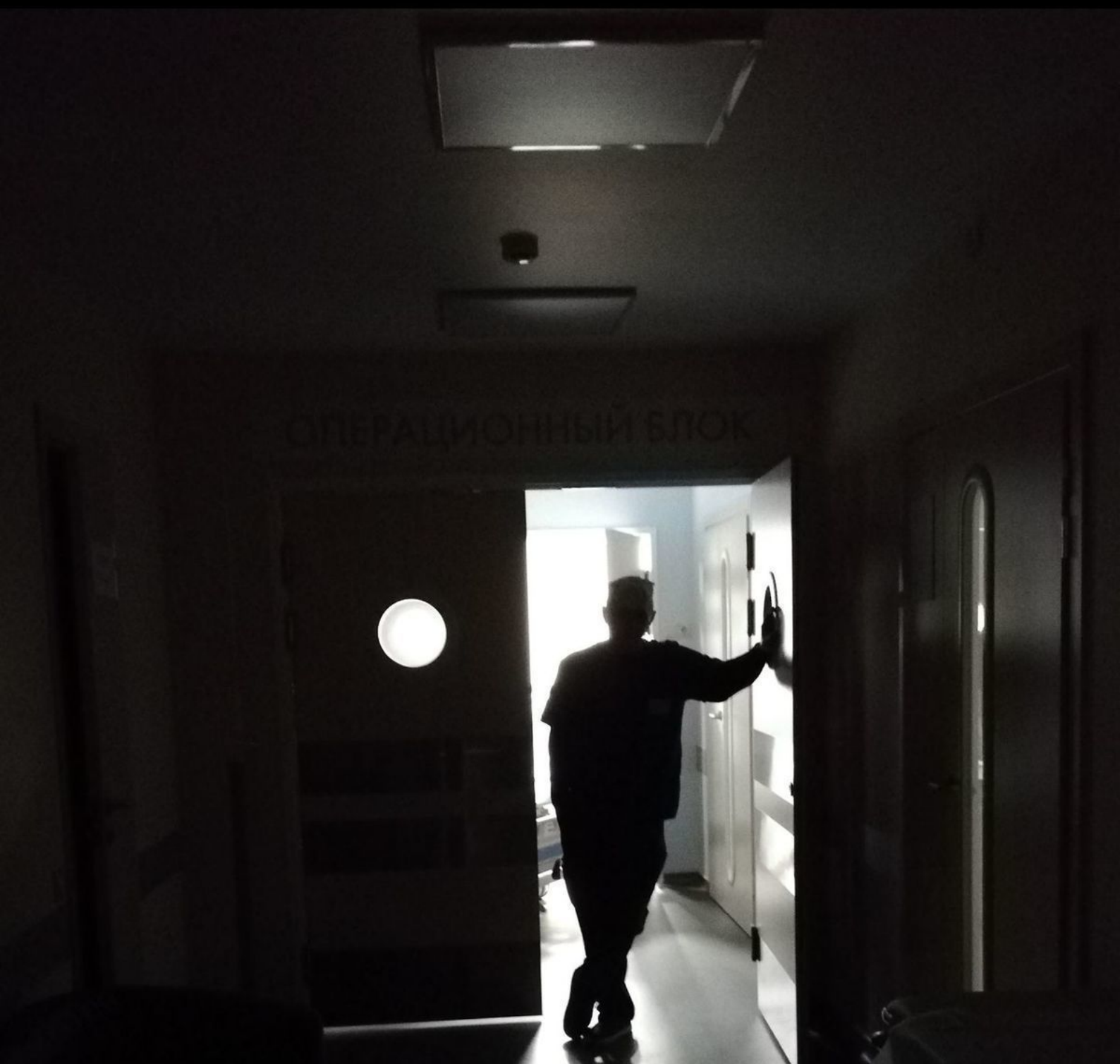

Эдуард Рубинович Мустафин
Будешь спасен и ты

Записки поюзанного врача — 3

Эдуард Мустафин
Будешь спасен и ты

«Издательские решения»

Мустафин Э. Р.

Будешь спасен и ты / Э. Р. Мустафин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-0051-0320-8

Скорее всего, возникнут вопросы – кто имелся в виду под местоимением «ты»? От чего «ты» будешь спасен? И будешь ли? И зачем? Автор, если и знает – или делает вид, что знает – то почтет за лучшее промолчать. Может быть, чтобы показаться умным. А может и не быть... Да, если кто-то, случайно прочитав, все-таки передумает подаваться во врачи – буду доволен. Потому что спасать людей – это моя работа...

ISBN 978-5-0051-0320-8

© Мустафин Э. Р.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Введение	7
Глава 1. Экзистенциальная	8
О длинном рабочем дне в пятницу, тринадцатого...	8
О роли личности в истории...	10
Об афористичности и самообладании (в хорошем смысле этого слова)...	13
О невозможном у нас...	15
О коллегиальности...	17
О правом и левом...	18
О дурных и полезных привычках...	20
О личном опыте борьбы с эпидемиями	21
О вопросах языкознания...	24
О том, из чего, как правило, и состоит медицина...	25
О мастерстве в эпистолярном жанре...	26
О хрониках пикирующего бомбардировщика...	28
О воспоминаниях...	32
Об интимных пластиках...	34
О размышлениях...	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Будешь спасен и ты

Записки поюзанного врача – 3

Эдуард Рубинович Мустафин

© Эдуард Рубинович Мустафин, 2020

ISBN 978-5-0051-0320-8 (т. 3)

ISBN 978-5-4496-4962-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«В чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2 Кор. 6:8—10)

На всякий случай, для нового читателя, напоминаю, что моя первая книга родилась прежде всего из хулиганских побуждений. Из этих же побуждений она бы и умерла, но... Но, как ни странно, нашлись люди, которые ее прочитали. И которые написали отзывы. Не всегда лестные, кстати. Зато искренние. Тогда я пообещал вторую книгу, возможно, сгоряча. Которая была жестче и правдивее. Хотя всей правды я все равно писать не собираюсь, чего никогда и не скрывал. Поэтому и написанное ниже можно рассматривать как... э-э-э... да как угодно. Ведь все события выдуманы, а все совпадения с реально существующими людьми – случайность.

Да, особо пытливый читатель заметит, что в качестве названия взята цитата из Библии. «Будешь спасен и ты...». Деяния апостолов 16 стих 31.

Скорее всего возникнут вопросы – кто имелся в виду под местоимением «ты»? От чего «ты» будешь спасен? И будешь ли? И зачем?

Автор если и знает – или делает вид, что знает – то почтет за лучшее промолчать. Может быть, чтобы показаться умным. А может и не быть...

Да, если кто-то, случайно прочитав, все-таки передумает подаваться во врачи – буду доволен. Потому что спасать людей – это моя работа.

И да, я все еще помню, что слова «кстати» и многоточий много. Общевойской лексики тоже. Но меня это устраивает, а устраивает ли это читателя – решать ему.

Кстати, еще о читателях. Точно знаю, что меня читали в Болгарии, Великобритании, Германии, Нидерландах, Литве, Израиле, а также в Ливии и Сомали. Да, в Ливии и Сомали. А еще в Йемене, Мали, Иордании и Эфиопии. Если есть такие страны, то почему бы не быть в них людям, которые меня читают? Посему фразу «известен в нашей и стране и за рубежом» следует понимать буквально, распространяя словосочетание «за рубежом» за границы бывшего СССР.

Ну и напоследок читателям. Удачи! Будем жить!

Введение

Я еще помню участковую больницу, похожую на изображенную в фильме «Коллеги». Сколько их, участковых, теперь осталось в разных Дальних Ебеньях?..

Я помню печное отопление и поленницы дров в этой больнице.

Я помню шестидневную рабочую неделю у работавших в этой больнице.

Я помню транспортное средство типа «лошадь», состоявшее на балансе этой больницы.

Я даже помню цвет этой лошади и имя ее кучера. А еще я помню, что часть мужской части трудового коллектива летом выезжала на заготовку сена для этого транспортного средства. И участковых врачей, зимой ходивших на вызовы на лыжах, помню. И полные деревни больных трахомой. И младенцев в детском отделении этой больницы с алкогольной интоксикацией – им мамы давали сосать тряпки, пропитанные самогоном, чтобы они спали. И волейбольные матчи между командами мужчин-учителей с мужчинами-врачами. И...

Много забавного помню. Вообще-то это средняя полоса России. Не так далеко от Москвы. Вторая половина 60-х.

Третье воскресенье июня праздником особо и не считаю. На мне, последнем оставшемся, династия в четыре поколения кончилась...

Кстати, один из последних диалогов в Клинике Федерального Подчинения:

– Алексей Романович, вы случайно у своих частников пластическую операцию не сделали? Как-то слишком хорошо выглядите.

– Не сделал. Просто теперь я ночью сплю. Как правило дома.

Глава 1. Экзистенциальная

О длинном рабочем дне в пятницу, тринадцатого...

Жара. 34 часа на работе (из них 24 в одиночку) и везде жара. Эти «большечемсутки» какой только херней не заполнены...

***

Вся больница в тревожном ожидании. Дождались-таки. В понедельник новый главный объявится. Глядя на мое абсолютно безмятежное лицо идиота, гинекологи начинают домогаться о причинах моего спокойствия.

– Ну во-первых я знаю сакральную мантру состояния внутренней свободы, постигнутую путем длительных медитаций и самосовершенствования. А во-вторых, свою десятку¹ я при любой власти получу. Вы, кстати тоже, вряд ли больше, независимо от того, будете ли вы накрашены и подмыты или наоборот...

***

А теперь у нас еще ночь в роддоме. И все бы ничего, но в нем тоже жара. В нашей каморке (шесть квадратных метров без вентиляции, помнится, когда я на гауптической вахте сидел, у меня камера больше была) не спасает даже вентилятор, ибо нагретое за день здание ночью отдает тепло внутрь. Так что отдых лежа с закрытыми глазами был весьма поверхностным и прерывистым. И тут...

– Алексей Романович, срочно разворачиваемся! – а в голове-е-е... Мысль! «Хорошо, что кондиции позволяют спокойно сесть из положения лежа без помощи рук». И воспоминание. «А помнишь, как один раз на спокойном дежурстве попытался до трусов раздеться? Час уснуть не мог, пока обратно робу не напялил». В тапочки не глядя. Привычка, чего там. Взглянуть на часы – четыре пятьдесят пять. Снова мысль: «Самое время часовых резать...». Сунуться сейф за подлежащими предметно-количественному учету² и вперед. На бегу:

– Что?

– Отслойка, гестоз, отеки...

– Кровопотеря?

– Здесь с пятьсот... – мысли поперли косяком, как лососи на нерест: «Хули скромничаете, какой нах гестоз?.. Читайте буржуйские книжки, а не краснопрофессорские методички... Презклампсия это... Херовато... А-а... Испугали старую портовую шлюху вялым гениталием...»

Быстро глянуть на эту белобрысую корову – шарман, бля³. Носовое дыхание затруднено, отеки, ожирение, короткая шея:

– Аллергия есть? Сопутствующие болезни?

– Нету у меня ничего.

– Ели или пили когда?

– Вот в четыре, как проснулась, выпила чашку воды и огурец съела...

---

¹ Да, были не так и давно вот такие зарплаты. На ставку – десять тысяч рублей, на полторы – двенадцать, на две – тринадцать пятьсот. Принципы начисления мне даже в бухгалтерии объяснить не смогли.

² Это лекарства такие. Подлежащие предметно-количественному учету. Кстати, у применяющих эти лекарства есть допуск. Не меньше месяца оформляется.

³ Бля – это неопределенный артикль.

Мысль: «Это ты молодец, пожрать при маточном кровотечении на поздних сроках – первое дело... И головогрудь... И носовое дыхание затруднено, значит ротоглотка тоже отечна... А может...? В июльской Anaesthesia⁴ за 2010 была статья о возможной допустимости спиналки⁵ при-и-и... Нет, на хер. Это победителей не судят, но, во-первых, ты еще не победил, а во-вторых... Ну а если...? Нет!».

Маску на лицо:

– Дыши глубоко! Это только кислород... Кетамин... листенон⁶... начинайте...

Тут подала голос дежурящая со мной Петровна. И снова возникла мысль: «Весовые габариты прямо пропорциональны амбициям. И обратно пропорциональны скорости выполнения назначений».

– (Недовольно) Во-от... Сто восемьдесят на сто двадцать... – Не суетитесь, Надежда Петровна. Сто восемьдесят на сто двадцать – это лучше, чем шестьдесят на ноль.

– (Снисходительно) Может дроперидолу⁷?

– Я, Надежда Петровна, уже говорил, что, работая со мной, забудьте про этот препарат. До особых распоряжений.

– (Обиженно) Ну как знаете...

– Веркуроний и фентанил⁸ после извлечения. Тем временем извлекли. Плюс к отслойке – поперечное положение. Плюс тугое обвитие пуповины...

Заорал. Уже неплохо. Покоситься, регулируя параметры искусственной вентиляции легких на новорожденного. Тут и торкнуло, естественно, мысль, что же еще? «Бля-а... А нехерова пятница тринадцатого началась. Главное весело». Еще раз покосился на дитё, и тут разглядел. Заячья губа. И-и-и...

Мысль, конечно же: «Он по всем параметрам не должен был родиться. Да и мамаше лет 30 вы сегодня подарили... Ну? Веселишься? Победили естественный отбор? Это ты молодец! Теперь жди от него ответку... Ох и сформулировал! Ну ты, бля, хемингуэйпрощайоружие».

Кстати, кого родили, мальчика или девочку, я так и не разглядел. Дальше проще. Раздышали, разбудили и экстубировали⁹. Осталось порадоваться, что полтора часа еще есть, а смысла ложиться уже нет. Вторая чашка кофе и можно досмотреть «Грязного Гарри». Тем более, что конца рабочего дня еще часов одиннадцать... Морали нет. И смысла. Есть усталость и опустошенность. Уже привычный синдром эмоционального выгорания что ли обостряется?..

---

⁴ Журнал такой. От британских ученых. И практиков.

⁵ Речь о спинальной анестезии, когда анестетик вводится в спинномозговой канал. Лучшее, что есть при кесаревом сечении с учетом соотношения качество/безопасность.

⁶ Кетамин и листенон – лекарства такие. При наркозе полезные, а так вообще не очень.

⁷ Тоже лекарство. Не очень полезное на 5/6 части суши, но считающееся таковым у нас.

⁸ И опять лекарства. И опять применяемые при наркозе.

⁹ Мероприятия, выполняемые по окончании наркоза. Кстати, иногда чреватые разнообразными последствиями – самолеты тоже чаще бьются при посадке.

О роли личности в истории...

– Деб-билы, бля... – я употребил свой любимый неопределенный артикль и хлопнул зеленым резервным мешком по столу старшей сестры частного медцентра. А потом немного подумал и решил, что цитата должна быть дословной – Дь! Мешок порван!

Поясняю, мешок – такая резиновая хрень по размеру, форме и консистенции напоминающая камеру из старого волейбольного мяча со шнуровкой. Стоит в наркозном аппарате на всякий случай и еще для вентиляции руками, если что, поэтому не всегда стоит верить сказкам, что пациент погиб во время наркоза из-за аварии на электроподстанции. А дырка в дыхательном контуре – это как... Кто-то хочет погрузиться с аквалангом (как человек, сдававший любопытный предмет «автономные системы дыхания», могу пояснить – полуоткрытый дыхательный контур) у которого шланг надорван?

– И что, Алексей Романович?

– Поменял, там старый мешок валялся. Провел тестирование. Утечка меньше ста миллилитров в минуту. Все работает...

Это у частников, с которыми я любовно расстался из-за вопросов оценки роли девиантной и социопатической личности в истории. Хотя никаких претензий – если нарываешься изо всех сил при конкуренции из уважаемых врачей высшей категории и заведующих отделениями, то...

За три недели до описываемых событий

У меня зазвонил телефон. Говорил не совсем слон. Изабелка¹⁰.

– Леш, ты сможешь?..

– Я. У вас. Больше. Не работаю.

– Леш, там пациентка... Ты ее помнишь, она из Питера. Вы с ней все хихикали друг над другом. Она только тебя требует. Ей после тебя наркоз проводили, теперь она от всех анестезиологов отказывается, грозит уйти в другую клинику.

Согласился. Если честно – то из-за потешенного самолюбия. Ну и из жадности. Ибо «Сам сумму поставь в счете, в разумных пределах, конечно». Слаб человек.

Пока переодевался – в дверях нарисовался директор. Странно. Вроде бы расстались, претензий друг к другу не имеем.

– Вы где после закрытия роддома¹¹, Алексей Романович?

– В Многопрофильной Клинике Федерального Подчинения. – Лучше бы, конечно, не говорить, тем более, как донесла агентурная разведка, среди тамошних непосредственных начальничков, с которыми я на первом же общебольничном рапорте сцепился и довел до истерики, есть его люди, но... Бессмысленно. Столица нашего герцогства – большая деревня. Или аул. Кому что ближе.

– А-а...

– Нормально. Работа как работа. – Незачем ему знать по все нюансы, обусловленные непрохождением проверки на прогибаемость. Хотя донесут еще, согласно закону сообщающихся сосудов. Если уже не.

---

¹⁰ Неоднократно описанная в предыдущих книгах гинекологиня, отличающаяся повышенной эмоциональной лабильностью.

¹¹ Да, оптимизировали роддомик. Бывает...

– А вот я хотел спросить, Алексей Романович. После вашего ухода севорана¹² за полгода истратили в два раза больше, чем вы за полтора. Не знаете почему? А то себестоимость наркоза выросла на...

– Семьдесят-восемьдесят процентов примерно... – знаю. Конечно знаю. И любой вменяемый анестезиолог знает. Даже формулу расхода могу назвать, состоящую из показателей концентрации, потока, времени анестезии и коэффициента в восемнадцать целых и три десятых. Но меня же про формулу не спрашивали, поэтому отвечаю тоже правду. – Трудно сказать. Качество постдипломной подготовки лежит вне моей компетенции.

За неделю до описываемых событий

У меня зазвонил телефон. Говорил совсем не слон. Старшая из того же медцентра.

– Да, Гульшат.

– Это не Гульшат, это Травиата Ивановна. – Одна из моих правопреемниц. – Алексей Романович, у меня аппарат¹³ заданный объем похоже не вдыхает.

– Похоже или не вдыхает?

– Мех почти не движется в колпаке.

– Там еще цифирки есть. В строках «инспиратори» и «энд тайдел». По разнице и видно сколько не вдыхает.

– Сейчас-то что делать?

– Рычаг на контуре где? На «ауто»?

– Да.

– Рычаг на корпусе? На «контур» или на «дополнительный ротаметр»?

– Это где?

– На корпусе слева. На уровне... э-э-э.. пояса. Там картинки для русских нарисованы.

– На «контур».

– Тогда переходите на ручную.

– Я сейчас и так «амбушкой»¹⁴ дышу.

– Не надо «амбушкой». У вас целый аппарат есть. Рычаг на «мануал» – и ищите утечку.

– А где может быть утечка?

– Где угодно. По телефону и интернету не лечу.

Через пятнадцать минут снова зазвонил телефон. Определился тот же абонент.

– Да.

– Это я, Гульшат. Вы не придете послезавтра аппарат посмотреть?

– Зачем мне это?

– Потом операция с маммологами. Они только с вами хотят. А директор завтра всех анестезиологов собирает.

Вот и восстанавливаются старые агентурные наработки. Хотя просто так могу подарить одно правило, крайне полезное в повседневной трудовой деятельности – не доверяйте агентам полностью.

В день описываемых событий собрал аппарат (кстати, так и не понял, а зачем его разбирали?) и провел тестирование. Правда перед этим слазил в журнал событий. Последний тест на утечку восемь месяцев назад. Нет, я понимаю про меню на английском. Но они же все прин-

---

¹² Лекарство такое для наркоза. Не идеальное, и не прощающее ошибок, но считающееся золотым стандартом. Не у нас, естественно.

¹³ Речь идет о наркозном аппарате.

¹⁴ Это мешок Амбу для дыхания руками в экстренных ситуациях, давно его повесил сзади аппарата и запретил перемещать под угрозой физической расправы, хотя с тех пор много воды утекло.

ципиально одинаково устроены. Некоторые клапаны у всех – ключевое слово «всех» – производителей называются английской аббревиатурой.

Дырка в дыхательном мешке нашлась сразу.

Через час после описываемых событий

У меня зазвонил телефон. Говорил опять не слон. Травиата Ивановна. Однако быстро здесь слухи разносятся.

– Алексей Романович, они вас обратно звать будут. Давайте сразу неделю поделим? Двух анестезиологов уберем. Они, гады, специально аппарат разбирали, чтобы я не смогла собрать. Я всегда брала вторники и субботы, а..

– Я не могу ничего делить. У меня график скользящий. И к вашим кадровым перестановкам я тоже не хочу иметь никакого отношения.

В операционной тоже ждал сюрприз – бородатый дяденька.

– Здравствуйте. Меня зовут Сергей Петрович, можно на ты. Директор велел посмотреть, как вы работаете. Не возражаете?

– Не возражаю, но есть три момента. Первое – после меня учеников не останется. Это принципиальная жизненная позиция, потому что это и есть все, что я могу сделать для любимого наркомздрави. Второе – я ничего не придумываю. Ума не хватает. Все что я делаю, уже кем-то описано в нормальных – ключевое слово «нормальных», то есть достоверных и авторитетных – источниках. Почему эти источники не на русском – не ко мне. И третье – Гугл в помощь.

– Что значит Гугл в помощь?

– Это я на все последующие вопросы отвечаю. Как писал один – вы его не знаете – уважаемый мной анестезиолог, сдавший профессиональный экзамен в США: «Самые надежные и прочные знания добываются самостоятельно». А не путем изустно передаваемых былин и легенд, как это принято у нас.

Всего через три часа после описываемых событий меня пытал директор, желая выяснить, кого из уважаемых врачей высшей категории и заведующих отделениями увольнять, а кого – оставить. Пришлось еще раз пояснить, что к его кадровым перестановкам я не хочу иметь никакого отношения. И что я не судья. А палач...

Как писал другой мой знакомый, на одной, закрытой для посторонних, профессиональной площадке: «Сколько ни открывай частных европейских медцентров – один хер ЦРБ получается...».

Об афористичности и самообладании (в хорошем смысле этого слова)...

«Пьяный воздух свободы сыграл с профессором Плейшнером злую шутку» Ю. Семенов

Узнав состав дежурной бригады, я мысленно схватился за голову, пытаюсь внешне сохранять невозмутимость. Это Пиздец. С большой буквы П. Эскадрон смерти (los escuadrones de la muerte). Тата макуты¹⁵ (Tata Macoutes – кто-нибудь оценит все изящество шутки?). Тетушки раннепостпенсионного возраста. Каждая из которых ровно в ноль два ноль ноль (плюс-минус тридцать минут) начинает тосковать изо всех нерастраченных женских сил и искать приключения на жопу всей бригаде, чтобы извлечь очередного Дуду (Doudou) оперативным путем. Обычно находят (я по операционному журналу смотрел). Поэтому, увидев обеих, я понял перспективы предстоящей ночи. Оставалось одно – умереть с достоинством.

На этот раз все пошло не так. Кесарево сечение под утро, когда уже сильно хочется испить первую чашку кофе, но... «aliis inserviando consumor»¹⁶ и «мастерство не пропьешь». Сто десять кг, то есть больше центнера. Иголкой, словно сапер щупом, пролез в подкожном сале между позвонками практически с первой попытки. Потом стол на левый бок, ибо аортокавальная компрессия¹⁷, усугубленная кахэксией (это я изящно шутю). В принципе, от укола до извлечения должно пройти не более пяти минут, что в интересах всех – от ребенка до санитарки, но меньшие сестры по разуму завязли сначала в сале, а потом и в матке. И тут обвал артериального давления вместе с резким посинением, которое называется мудреным иностранным словом «цианоз». Да так стремительно, что полезли мысли не только об этой самой компрессии, но и об амниотической эмболии¹⁸ (которая... э-э-э... которая практически все... не, она, конечно, лечится, только далеко не всеми и совсем иногда). Но первое что положено сделать и что пришло в голову – это еще чуть повернуть стол влево¹⁹.

– Куда, куда? – раздался скрипучий голос моей одной из моих лепших подружек. – Нам так оперировать неудобно!

И тут я понял, что не хочу эмоционально напрягаться, чтобы сохранять традиционную невозмутимость. И уж точно не хочу заниматься санпросветработой.

– Иди н-нахер!

– Да я.. докладную... ему все прощают...

– Извлекай ребенка, пис-сательница. Быстро, бя!

Давно я не чувствовал себя таким свободным...

– И куда ты ее послал, что она докладную на тебя написала? – Поинтересовался сменщик на следующем дежурстве

– Нахер...

---

¹⁵ Тонтон-макуты – добровольческая милиция на Гаити, выполнявшая функции эскадронов смерти при диктаторе Дювалье, враче по образованию и организаторе здравоохранения по специальности. Название происходит от гаитянского креольского мифа о дяде (Tonton), который похищает и наказывает непослушных малышей, которые по-французски Дуду (Doudou), запикивая их в мешок (Macoute) и затем съедая. Тата же (Tata) по-французски будет тетушка.

¹⁶ Aliis inserviando consumor (лат.) – «Светя другим, стораю», один из девизов медицины, зачем-то придуман в средние века.

¹⁷ Сдавление аорты и нижней полой вены беременной маткой со всеми втекающими (снижение венозного возврата крови к сердцу) и вытекающими (снижение артериального давления и урежение частоты сердечных сокращений до критических значений) последствиями.

¹⁸ Акушерская катастрофа, вследствие попадания в кровоток околоплодных вод.

¹⁹ Это чтоб матка сместилась туда же и сдавление сосудов уменьшилось.

- Ну «нахер» – это не повод, чтоб докладные писать.
- Почему? – обиделся я – «Нахер» – это тоже самое, что и «нахуй».
- Не скажи-и... – пояснил свою жизненную позицию мой собеседник. – «Нахер» – это ласково. Интонация совсем другая...

Чувство абсолютной свободы привело к тому, что медсестры кофе мне стали приносить сразу, не задавая глупых вопросов «буду ли?».

Разглядывая принесенную без глупых вопросов кружку с надписью «трихопол» я вдруг вслух осознал все:

- А ведь это про меня...
- Почему про вас, Алексей Романович?
- Ну как же – очень горький и весьма токсичный химиопрепарат против некоторых микроорганизмов и простейших. Нельзя употреблять с алкоголем...

О невозможном у нас...

Во первых строках моего письма хочется отметить, что нижеописанное является, конечно же, вымышленным, поелику в нашей модернизируемой, клинически мыслящей и инновационной медицине это невозможно. «It Can't Happen Here», как писал в названии своего романа прогрессивный американский писатель Синклер Льюис.

Жизнь шла по сценарию хорошего детского писателя Аркадия Гайдара – день простояли, ночь продержались. Хотя в организме ощущалась некоторая пое... э-э-э... потасканность. Это не пятнадцать лет назад – двое суток не запыхавшись, а потом еще и раствор этанола употреблять в хорошей компании. Остались мелочи. В том числе такая мелочь, как сбегать в соседнее здание, в реанимацию социального хосписа²⁰, пустые ампулы из-под разных учетных лекарств сдать. Можно, конечно, и сменщику оставить, но смысл? Уходить надо чисто. Взял и пошел.

Ординаторская социального хосписа аккурат напротив их реанимации и я, преисполненный чувства своей социальной значимости, важно передвигался по второму этажу. Вдруг из двери реанимации выскочила медсестра. Знакомая. Лет двадцать точно знакомая. По другим больницам.

– О! Манюня (этот радиопозывной я лично ей прилепил, теперь так и живет с ним все двадцать лет)! Чего мельтешишь? – И продолжил свое шествие к ординаторской.

– Сюда, Романыч. Здесь она... – Манюня девушка догадливая. Без слов понимает, чего роддомиковский анестезиолог возле реанимации социального хосписа бродит. Но и анестезиолог не дурак. «Она» – это значит, кто-то из двух молодых (ну как молодых, я в тридцатник уже флаг-штурманом на профессорском столе наркозы давал и отпускать меня тот профессор не хотел) докториц – одна упитанная безобразно, а вторая – на любителя. И в палате «она» болтается не просто так вместо принятия утреннего кофею. Может не ходить? Ладно, я тут человек посторонний.

– Да заходи, не стесняйся. – Уже через плечо повторила приглашение гостеприимная Манюня.

Зашел. В прогнозе не ошибся, но это не радовало. Приемщица пустой посуды (та, что «на любителя») с ларингоскопом и интубационной трубкой²¹ склонилась над голой бабк... э-э-э... пожилой женщиной посреди социально-хосписного валежника. Ну, кроме слова «валежник», можно применить и словосочетание «терапевтический отстой» – те, кто наиболее активен в желании покапаться; те, кто надоел врачам на этажах; те, кому диагноз для пребывания на самой дорогой у страховых компаний койке притянуть можно и те, у кого родственники скандальные.

Никак я на героически проводимое оживление забрел? Ладно, пустые ампулы уже не бросишь. Вокруг голой бабк... э-э-э... пожилой женщины, лежали шесть не менее голых, но не прикрытых обоссанными и лохматыми больничными одеялками, мужичков возраста от пятидесяти до семидесяти, и с живейшим интересом наблюдали за разворачивающимся действием.

Разогнулась. Дохнула мешком²². «Хрю-ук!». В желудке, не в трахее.

– Алексей Романыч, подойди... – прошипела шуршащая возле рабочего столика Манюня, пока еще две медсестры крутились возле второй серии оживляжа.

²⁰ Прижившийся среди широких профессиональных народных масс радиопозывной городской больницы, которой и роддомик принадлежал. Понятно, кто придумал – какая-то сволочь в трамвае.

²¹ Речь об интубации трахеи – засовывании трубки в трахею (дыхательное горло) при помощи специального прибора (ларингоскопа) для проведения искусственной вентиляции легких.

²² Речь о мешке Амбу.

– Не могу, я только беременных умею. – Так же негромко наш герой почти не покривил душой. Он действительно не мог, пока его не позвали (а его не звали) – ни этически-корпоративно, ни административно, ни юридически. Если все проходящие мимо отделений реанимации посторонние мужики перестанут проходить мимо – будет как минимум смешно. А при таком количестве свидетелей... Лучше бы отнести ампулы на полчаса позже.

– Бабка тоже в залете. – Прошипела Манюня. – Ну подойди.

В это время раздался уже второй «Хрю-ук!». Девушка, упитанная на любителя, продолжила борьбу за доступ к дыхательным путям.

– Подыши, овца тупая... – Про себя, конечно, сказал, не вслух. – ...Хотя тебя просто не учили, что существуют ситуации can't intubation, can ventilation²³. Но читать буквари, хотя бы Миллера²⁴, тебе тоже никто не запрещал...

А вслух Манюне:

– Адреналин набирай, сейчас понадобится...

– А я что делаю? – старый воин – мудрый воин.

Манюня смотрела укоризненно. Сходил за хлебушком... Ладно, нам ли стоять на месте, в своих дерзаниях всегда мы правы. Как же я не люблю работать в реанимации!

– Перчатки! – С перчатками подлетела уже вторая медсестра с чего-то воспрявшая духом.

Упитанная на любителя девонька около тридцати лет немного отлетела в сторону. Это я элегантно тазом по упругому девичьему бедру качнул. Энрике Иглесиас, бля. Или кто там из них, певцов песен ртом жопой-то игриво вилял? Маску на мешок. Командный рык:

– Всем к стене, бля! Кина не будет! Или лично лечить начну! – это голым мужичкам. И попробовали бы не отвернуться. Был бы им тут театр «Современник» с бенефисом Ахеджаковой. Теперь докторице – Массаж сердца!

И подышать мешком. И продыхивать мешком. Забулькало. Ну да, чтобы после двух попаданий в желудок блевотины не было... А девчонки молодцы – отсос в руку для санации ротовой полости (это я так отсасывание блевотины по-интеллигентному обозвал) уже суют. Ничего, охладим:

– Почему монитор не подсоединили? Пошуршали. И тут же разложить клинок ларингоскопа от ручки.

– Бля! Да он почти не горит! И трубку готовьте!

– Нет другого ларингоскопа, Алексей Романович. – Это подскочившая уже со второй порцайкой адреналину Манюня. Она только без свидетелей фамильярничает. Тогда полезли. После подъема надгортанника вместо традиционной картинки голосовой щели была видна какая-то сумеречная зона. Но не долго. Потом он совсем погас. Правда то, что голосовая щель строго по центру я запомнил. Вот туда и сунем (в хорошем смысле этого слова). Подсоединить мешок. Сжать. Вместо ожидаемого «Хрю-ук!» был «Пф-ф». И грудная клетка подалась. И бабк... э-э-э... пожилая женщина начала судорожно дергаться на пихательное раздражение рефлексогенной зоны. Там. Наверное. Все, мавр сделал свое дело... Нет еще не сделал. Отвернул крышку у ручки ларингоскопа, вытащил одну батарейку и положил ее в карман.

– Ларингоскоп проверяйте иногда.

– И так справился... – Тихо прошипела мне Манюня. Ее, вообще-то, Ольгой зовут. А батарейку я забрал потому, что так точно поменяют. Его без батарейки оставлять нельзя. Когда в армейской столовой нужно было ложки или тарелки тщательно перемыть – я за кухонным нарядом не бегал. Я просто искомое хлоркой засыпал. И, кстати – клиническое мышление, в отличие от базовых знаний, не применялось совсем. За ненадобностью.

²³ Не можешь заинтубировать, но можешь вентилировать

²⁴ Базовый учебник анестезиологии. В мире, но одно из изданий переведено и на русский, очевидно, по недоразумению. Недоразумение компенсируется совершенно конской ценой, сопоставимой с половиной месячного жалованья.

О коллегиальности...

– Как дела? Можете не отвечать, я знаю, что нормально. Пацан сказал – пацан сделал. А подключичный катетер²⁵ я все-таки воткнул, уже под наркозом. Хотя по уму нужно было до операции. Пожалел. Зря.

– Доктор, а меня в реанимации сегодня оставят?

– Да на хер ты тут нужен? Нозокомиальную флору²⁶ собирать?

– Вот заебись! Это лучшая новость на сегодня! – кажется два анестезиолога – один уже прооперированный, а другой пока еще нет, и познакомившиеся только позавчера, на предоперационном осмотре, слишком увлеклись беседой, поэтому так называемый «обход» в реанимации смотрит на них укоризненно...

За сутки до описываемых событий.

– Страшно? Ничего с этим не сделать. Но в любом случае план у нас на сегодня такой – сейчас заснем, потом проснемся, операция будет сделана. Возражения есть?

– Вы хорошо сказали, доктор, про план. Это лучшее предложение на сегодня.

– М-да. А вены у вас – говно. Может подключичный катетер?

– Смотрите, доктор. Я тут вам не советчик. Решайте и делайте все, что считаете нужным.

– Ладно, попробуем так. Пока вена есть...

За двадцать часов до описываемых событий.

– Чего смотрим? Ждем чего-то хорошего? На стол надо перекладывать и открываться.

– А если сухо будет?

– Сухо? Столько крови по дренажу и сухо? Блядь, дожили – анестезиолог хирургу необходимость послеоперационной ревизии объясняет. Я не первый день работаю. Быстрее.

– Обратно такую тушу перекладывать. Сто двадцать килограмм вдвоем?

– Первый раз, что ли?..

---

²⁵ При отсутствии вен на руках в центральную вену (подключичную, яремную или бедренную) устанавливается катетер. Процедура неприятная и небезопасная.

²⁶ Нозокомиальная – это прилагательное, не являющееся обценным и означающее всего-навсего внутрибольничную микробную флору.

О правом и левом...

«Мы не для того, чтобы нас любить, – ответил я с искренней улыбкой. – Мы для того, чтобы давать людям сладкую радость признания в грехах.» Я. Пекара

– Не наше. Уходим. Только гинеколога пригласим посмотреть. – Хирурги. Мне. Оповещают, значит.

– Закрываем карту, протокол наркоза напечатаю, пока кожу шьют. – Это уже я своей анестезистке.

Ну как, своей? Свои в овраге лошадь доедают, а отрицательный ответ гораздо более своего консультанта по Клинике Федерального Подчинения – не только же им консультантов по социопатам и девиантам иметь, процесс жизнедеятельности-то всегда обоюдоострый – на вопрос о возможности поворачивания к кому-нибудь в этом заведении спиной я таки помню. Хотя раз на сегодня ко мне приписана, значит в какой-то мере своя. «Закрываем» – значит больше ничего из особо учетного не вводим и время введения, начальное и конечное, с подсчетом суммы введенного можно смело вписывать в бумажный тугамент, красиво именуемый «Наркозной картой». Эту карту я еще подписью заверять должен. Я ее и заверяю. Обычно пустую и до начала наркоза – а то могу забыть от радости окончания трудового процесса, дык потом как любимые, так и не любимые замы главного врача по написанию бумаги от возмущения слюной брызжут и пятками себя по жопе колотят. А «напечатаю» – это значит наше учреждение тоже в тренде и подвергнуто, извините за выражение, компьютеризации. То есть вместо того, чтобы писать во время, я теперь печатаю после. Чтобы читать было удобнее. Ну и отчитываться правильно. Печатать же документацию до окончания этапа лечебного процесса тоже не страшно, ибо как только Страну Советов сменила Страна Отчетов, наркоз кончился не тогда, когда он кончился, а тогда, когда я время окончания проставил. Поэтому просто плюсуем десять минут – пока дошьют, пока заклеят...

Во время печатания в соседней протокольной из операционной стал слышен какой-то шум. Понятно, что движуха пошла интересная, а меня там нет. Грустно. Но не прерывать же процесс отчета о проделанной работе, ибо главная работа отечественного здравоохранения – производство говна и отчетов. К тому же немного осталось – у меня уже все в шаблоне напечатано, остается расставить количество ампул и время. А то, что давление с пульсом при вывозе у всех одинаковое – так кто эти протоколы рядом класть будет? А если и положат, то кто прочитает? А если и прочитает, то, как докажет, что не так было – мастерство-то не пропьешь? Нормальный ход. Но все-таки интересно, что там за вопли?

– Пал Палыч, а чо это вы оралы, будто гинекологиня вас за нескромное место укусила?

– Да она... То не так ей яичники показываю, то оперировать не умею... Кандидат наук...

Преподает она... Это она мне...

– Возмутительно!

– (Согласно) Да...

– Просто безобразие!

– (Опять согласно). Да...

– Даже я себе такого не позволяю!

– (Менее уверенно) Да...

Сзади хихикнула вроде как своя анестезистка. Ну да, ну да. Мы же тогда с ней стояли. И он оперировал. Помнится операционная сестра тогда же от рева в операционной за свой столик спряталась...

– Да, [censored], какая [censored] радикальная операция? Анастомоз²⁷ [censored] развалится, даже если я ее [censored] со стола живой сниму! Вы [censored] [censored] совсем?

– Ну вот же у вас нормально все. Давление уже восемьдесят.

– У нее [censored] и пульс тридцать два. А давление восемьдесят [censored], потому что [censored] адреналин идет запредельно. Чуть убавлю [censored] бабке. Выводите колостому²⁸, дренируйте гнойник и [censored] [censored] отсюда. – Если канал не сформируется для оттока – она может умереть!

– Может умереть [censored], может не умереть [censored], как получится. А если через полчаса не уйдете [censored] – точно квакнет [censored]!

Ну вот как-то так. Не дословно, за давностью, но очень близко к стенограмме. Кстати, и в этот раз Алексей Романович оказался прав... «А я всегда прав. Знали бы вы, как тяжело быть всегда правым» (с)

---

²⁷ Это не красивое мужское имя, это место сшивания кишок и прочих полых органов.

²⁸ Это не красивое женское имя, это кишка на брюшную стенку, чтобы какать, хотя и противоестественно.

О дурных и полезных привычках...

«Не пылит дорога, не дрожат листья. Подожди немного, отдохнёшь и ты» (М. Ю. Лермонтов)

– Ну что, как дела? – это мы во время так называемого «обхода» подходим к источнику приключений.

– А я разговор хирургов слышал. – Ой, слышал! А то я этого не знаю, ведь в последний час операции, когда давление уже исключительно зубами держали и введение чего-либо углубляло его обвал. Просто приходилось помнить цитату из одного неплохого анестезиолога «Помнят только живые». – Я знаю. Вы вполне могли его слышать.

– Но я его помню! – товарищ несколько возмущён. Я бы тоже возмущался.

– Скажите спасибо, что помните... – голос из-за спины. Похоже, не я один этого анестезиолога цитирую. Я уже упоминал, что экс-интернесс у нас две – «отличница» и «разъё... э-э-э... барышня с элементами легкомыслия». Кто произнёс преисполненную глубокого смысла фразу, я знаю, но не скажу. Из вредности.

Мы веселимся. Мы пока не знаем, что сегодня будет дубль два, продлившийся ещё дольше. И самого главного компонента лечебного исхода Алексею Романовичу не хватит. А на классе он сможет только дотащить не очень, но живого клиента до палаты реанимации, да и то потому, что все-таки повезёт. Не очень, но повезёт... Л

адно. У Алексея Романовича счёт с надпочечниковой недостаточностью неплохой – два: один в её пользу. И матч не окончен. Многие проигрывают всухую и с разгромным счетом.

О личном опыте борьбы с эпидемиями

«Всякая революция делается для того, чтобы воры и проститутки стали философами и поэтами» (Л.Д.Троцкий)

Однако эпитафия особенно удался. Больше всего люблю двусмысленность. Потаенность этакую. Декадент, бля.

Хотя начинать надо издали – с эпидемии гепатита (кстати, следует отметить, что с эпидемией нам повезло – у погранцов²⁹ брюшник³⁰ был). Количество заболевших в нашем регименте считалось сотнями. Да и сотен этих было гораздо больше чем две. На двух наличествующих врачей (которые должны были заниматься и диагностикой, и эпидемиологическими мероприятиями, а еще отчеты писать и в округ по телефону докладывать) – меня и Васю, который периодически выпадал из реальности в алкогольную прекому. Игорек свалил в Тифлис в интернатуру (у военных свой сериал «Интерны» и первичная специализация – это не унылая рутина, а совсем даже награда). Посему отозвать его было невозможно. Прислали капитана-инфекциониста из Ленкоранских субтропиков, дык он в первый же день порвал связки на колене, мы его обратно в самолет на Баку и засунули. Потом приезжали два санэпидотрядовских полковника из Тифлиса – те только рукой махнули: Вася как раз в алкогольную лету на пару дней занурнул, а меня и трезвого драть бесполезно.

Так что как могли, так и боролсь. И даже почти победили (хотя, может, и само прошло) – вместо десятков желтых каждый день, ловились единицы и не ежедневно. Да и сами сохранили какое-никакое здоровье. Я это относил к военной народной мудрости «Красные глаза не желтеют», но хренушки...

Сначала подумал, что умудрился загрипповать – температура небольшая, озноб, слабость. Попробовал полечиться народными средствами – стаканом чистой тутовой водки под персиковым деревом на свежем горном воздухе, что вызвало в моем организме довольно необычную реакцию – облеивание розового куста, из под которого с недовольным шипением уползла гюрза небольших размеров. Видимо, ошпарило соляной кислотой несчастное пресмыкающееся. И тут я не насторожился, хотя засланный по пищеводу продукт обычно у меня в организме укладывался намертво и в соревнованиях по метанию харча в длину я уже давно не участвовал из принципиальных соображений. А может и догадался, но верить не хотел. Вот когда пошел пописать спозаранку и глянул на мочу цвета вкусного пива «Гиннес» все стало понятно, осталось только перед зеркалом нижнее веко оттянуть. Температура поднялась до тридцати девяти. И пошатывало. Да, еще думательный процесс был несколько замедлен. То ли из-за температуры, то ли из-за билирубина, который через неделю был под двести, а уж к моменту пожелтения точно сотни четыре³¹ мкмоль на литр составлял, только кто его тогда определял?

Дальше был решен вопрос с командиром – либо я прямо сейчас в Кировобад, в инфекционную палатку (в прямом смысле этого слова – здание стационара было давно забито и больных лечили в развернутых во дворе палатках), либо все дела доделаю – и в отпуск по семейным обстоятельствам, а уж там внезапно заболею. Понятно, что выберет разумный человек. Через неделю я стоял на Агдамском вокзале и ждал поезда на Баку, чтобы убыть в отпуск.

Колбасило по-прежнему. Приходилось предпринимать определенные усилия, чтобы не шататься. Чтобы думать тоже приходилось некоторым образом напрягаться. Осталось сесть

---

²⁹ Пограничные Войска КГБ при СМ СССР

³⁰ Брюшной тиф на военно-медицинском сленге

³¹ Верхняя граница нормы – 21 мкмоль/л

в поезд, но в этот момент моя могучая фигура привлекла внимание местного революционного патруля – четырех представителей физического труда с ружьями, опоясанных патронташами, словно матросы Гражданской пулеметными лентами, и возглавляемых явно сельским интеллигентом – то ли учителем истории, то ли редактором районной многотиражки. До сих пор они, преисполненные чувства собственной социальной значимости, словно нынешние профессиональные блогеры или общественные деятели, своих трясли, а тут узрели чувака в форме, который уже за поручень вагона взялся.

– Документы! – уже с тренированной требовательностью брезгливо произнес бывший представитель умственного труда. Представители физического труда сгрудились не очень грамотно, с перекрытием друг другу секторов обстрела, но пути отступления отсекали полностью.

– Это с хуя ли? – вежливо, как и положено при общении с интеллигентным человеком, поинтересовался я.

Еще я заметил, что если держаться за поручень, то удерживать равновесие легче, правда на быстрое действие мыслительного процесса поручень не влиял. В это время в жопе начинало закипать ее содержимое, которое в соответствии с нарушениями печеночного метаболизма было грязно-белым, словно мартовский снег.

Живым этому охреневшему блядву сдаваться не хотелось. Но даже измученному бушевавшему в организме инфекционно-токсическим процессом мозгу было ясно, что особо не подергаешься, ибо неживым не хотелось сдаваться еще больше.

– Мы из народного фронта! – гордо заявил мне сельский интеллигент. – Имеем право проверять документы у всех.

– А мне по херу... – вежливо ответил я, помня об этикете, необходимом при контакте с хрупкой психикой интеллигенции. – Я из антинародного тыла, и поэтому обязан предъявлять документы только военному патрулю...

– Они тоже военные... – гордо ткнул альфа-самец в сопровождающих его ружьеносцев.

– Тогда, бля, как они стоят перед офицером! – Продемонстрировал я знание уставов.

Услышав командный голос, народные ополченцы изобразили нечто вроде стойки «вольно» и подтянули висевшие вниз стволом карамультуки. Кстати, весьма неудобное положение для перевода оружия в положение для немедленной стрельбы. Пассажиры прекратили посадку и образовали второй круг. Зрелище, хуле. Цирк. Битва гладиаторов. И я в роли Спартак, то есть ЦСКА. В гладиаторском бою. С самопровозглашенным Динамом. Словом, балет Хачатуряна «Спартак». Но произносить вслух армянскую фамилию композитора на азербайджанском вокзале точно не стоило. Да и зрители революционному вожаку пока мешали не терять лицо тоже не хотелось. Это позже вожаки стесняться перестали...

– Предъявите паспорт, пожалуйста. – Твердо, очевидно для зрителей, произнес он.

Мне это тоже, мягко говоря, анастопиздело – хотелось забраться в вагон и лечь на полку, потому что стоять становилось все тяжелее.

– Нет у меня паспорта. Не существует. Но если очень хочешь – удостоверение, так и быть, покажу. Из моих рук.

Интеллигент остался доволен и даже воспрял. Про «воспрял» я понял, когда он попытался выцепить удостоверение из моей цепкой лапки. Отчасти я его понимаю, потому что все, кроме фотографии, было прикрыто пальцами, желтыми, как у уроженца Центральной Азии.

– А следующую страницу! – кстати, по-русски он шебуршал практически без акцента.

– «Пожалуйста» забыл... Там должность. Информация секретная. – Чего бы жути не нагнать?

– А дальше?

– А дальше оружие. Информация секретная. – Я продолжал веселиться. А потом догадался. – Прописку что ли ищешь? Так нет ее там. Не-ту. Даже если обложку отодрать. Вот размер противогАЗа показать могу. Хочешь?

Так и разошлись мы краями, вполне довольные друг другом. Он командовать фронтом, а я в госпиталь, переживший, начиная с Петра I всех императоров, потом Советскую власть, потом, кратковременно, белочехов (читаем «Гадюку» А.Н.Толстого), потом опять Советскую власть и наконец-то закрытый.

Чуть позже одухотворенные революционной борьбой пацаны, действительно, разгулялись. Понятно это стало, когда начали находить тела уезжавших в отпуск.

Кстати, а города с ласкающим ухо практически каждого советского студента названием «Агдам» больше нет. Не существует. Последствия вывода войск, между прочим.

Считаю это невосполнимой утратой, поскольку семисотмиллитровая «бомба» стоила два рубля шестьдесят советских копеек в магазине, а на заводе у сторожа – рупь ведро. И это были таки совершенно разные напитки...

О вопросах языкознания...

Среди многочисленных достоинств Алексея Романовича, так и не оцененных благодарным человечеством (к чему он относится совершенно спокойно, поелику вся жизнь, служба и работа прошли под девизом «Чем лучше ты работаешь – тем меньше о тебе знают»), есть некоторые, стоящие особняком. Например, филологические изыскания, проводимые несмотря на отсутствие противоестественного, то есть, гуманитарного образования. Речь не об умении материться на семнадцати языках, включая китайский (причем, смысл того, что я делал с восемью предыдущими поколениями, китаисты понимают – проверено в эксперименте на себе). Речь о взаимообогачительных процессах при переводе с русского и на русский. Баловался я данным видом деятельности не только с английским, на котором читаю и перевожу. Со словарем...

В операционной все шло своим чередом. Хирурги, а точнее урологи, работали руками, анестезиолог, а точнее я, как и положено по функциональным обязанностям – головой. Откуда-то из угла фоном доносится беседа операционных санитарок, которые у нас сплошь из столицы почти прилегающего района. Между прочим, тоже города. Ну как города, коровы в нем в речку Казанку, ниже по течению которой серый селезень плывет, гадят вполне полновесно и с удовольствием.

– ... И тут я говорю «Батащь!»...

– А что такое «батащь»? – откликнулся оперирующий.

– Ну, это на русский не переводится. Так говорят, когда удивляются.

– Чо это не переводится? – возмутился со своей табуретки, ибо сидя головой работаете гораздо лучше, чем стоя, Алексей Романович – То, с чем не может справиться отдел лексикографии Института языка, литературы и искусства имени классика татарской литературы Галимжана Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, легко справится человек, в молодости ездивший в этнографические экспедиции. Данный возглас по-русски будет «Еба-а-ать!»...

Такое длинное предисловие собственно было к тому, что именно этот возглас и издал Алексей Романович, окидывая взглядом палату (для непричастных – именно так на профессиональном арго называется палата отделения реанимации на всем постсоветском пространстве), в которой ему и предстояло оказывать медицинские услуги, а потом продолжил:

– Каловый перитонит, сепсис, ИВЛ (для непричастных – именно так на профессиональном арго называется искусственная вентиляция легких, и значит, что patient – произносится как пэшнт, находится в медикаментозной или общечеловеческой коме). Перитонит, сепсис, ИВЛ. Каловый перитонит, сепсис, ИВЛ. Пневмония, искусственная почка, ИВЛ. Перитонит, ВИЧ, активный туберкулез, ИВЛ. И две бабки в маразме (для непричастных – именно в реанимацию и сгружают заслуженных пенсионеров в деменции подзае... э-э-э... утомивших окружающих – родственников, знакомых, а потом и персонал профильных отделений). Чо-то я все больше и больше ощущаю себя бригадиром передовой селекционной бригады колхоза «Красный овощевод»...

О том, из чего, как правило, и состоит медицина...

Как-то отдежурил двое суток в роддоме. Потому что работать люблю, и мечтаю, как больным, а в роддоме – почти здоровым, помочь. Еще потому, что народ подставлять не хотелось – некому было дежурить. Ну и еще, чтобы немного приблизиться по окладу жалованья к прина-родно-телевизорно объявленной руководством средней зарплате врачей по стране. А то у них – у руководства – выборы скоро, им врать нельзя. Кстати, в этом есть своя прелесть. Пятничным говоришь, что их много, а меня мало, меня беречь надо, да еще сутки дежурить; субботним говоришь, что их много, а меня мало, меня беречь надо, да еще сутки уже отдежурил. В это время падаешь на диван в позу дежурного анестезиолога и читаешь книги по специальности. Хотя если честно – то харю плющишь.

Наша бригада в тот день (и ночь) была особо раздолбайской. Я и медсестра Анна Владимировна. Впрочем, так я звал ее по настроению, обычно дежурное имя мигрировало от воз-вышенной «Анны», через сермяжно-домотканную «Аню» до хиджабо-покорной «Нурии», но «Нурию» нужно было особо заслужить.

Все было, как всегда, порожали, порожали, да и хренушки. Плод страдает, пошли в опера-ционную. Дальше нормальный бардак, вначале клизма, потом быстренько-быстренько. Поло-жили, обезболили, разрежали, извлекли, зашили, переложили, отвезли. Можно было нарушить трудовую дисциплину, сходяв покурить. После перекура трудовой энтузиазм просыпается вновь – и я пошел еще раз посмотреть больную, уже в послеоперационной палате.

В результате увлечения контактными видами спорта, запахи я ощущаю не очень. Но здесь, на ближних подступах к палате, почувствовал. И даже, по-моему, глаза ело. Мимо меня, чуть не сбив с ног, пронеслась санитарка.

– Ань, а что здесь, собственно, происходит? – на всякий случай осторожно спросил я.

– Матка не давит, клизма сработала, а санитарка работать больше не хочет, вот и мою, – лапидарно доложила Анна Владимировна, отмывая уделанную до дерматома Т4 (то есть до линии сосков) пациентку.

Перчатки надевать не хотелось, но пришлось. Нужно было помочь в повороте родиль-ницы, чтобы перестелить простыню, что мы и сделали. Все чисто. Оставалось только мочевого катетер закрепить. Анна Владимировна приступила к завершению гигиенического процесса, но клизма продолжала работать. Прямо в подставленные ладони. И мимо. Перемывать и пере-стирать.

– Ну, Алексей Романович, нет ну... Ну что это? – простионала Анна Владимировна, при-ближаясь ко мне и выставив перед собой сложенные лодочкой ладони вместе с тем, что в них находилось.

– Это, видимо, к деньгам, Ньюра...

О мастерстве в эпистолярном жанре...

*«Вам в постельку лечь поспать бы, вам – компрессик на живот,
и тогда у вас до свадьбы все, конечно, заживет.»
Владимир Владимирович. Маяковский*

В обязанности дежурного анестезиолога родильного домика вообще-то входит и ведение послеоперационных мамашек в первые сутки. А значит – вечерний обход:

– Та-а-ак, сударыни!.. Что-то сильно, подчеркиваю – сильно, беспокоит?.. Что?.. Нет совсем без боли не получается. Даже в обществе потребления. Поэтому вас обезболили, катетер из мочевого пузыря убрали, ноги работают. И чего лежим пластом как смертельно раненые татарской стрелой на Куликовом поле?.. Ой, какие тапочки красивые... Ваши?.. Дадите сфотографироваться?

А потом я перебрался в соседнюю комнату к операционным, поскольку у них письменный стол большой и заниматься своим основным делом – писаниной – за ним гораздо удобнее. Параллельно с писаниной я еще и болтал с оперсестрой:

– Алексей Романович, а вы знаете, что Ирина Мефодиевна пробегала? Вроде оперировать собирается. У нее опять руки чешутся... – Вдруг порадовала дежурная операционная сестра Фира.

– У нее не только руки чешутся. Она вся зудит. Особенно в нескромных местах. Подсажи лучше медицинское слово на «А».

– Анальгин, – сказала, практически не думая Фира, а потом поинтересовалась – Кроссворд что ли отгадываете?

– Почти, – ответил я, продолжая свою писанину в истории болезни. – О!.. Аналгезия!

Все, как всегда. До операции я проявил некоторое напряжение остатков серого вещества: – Рост сто пятьдесят восемь... Маркаин³²изобарический, всплывет вверх... десяти миллиграммов хватит... И двести микрограмм мезатона в банку. А во время операции – периодически подавал голос из-за наркозного аппарата, унижая человеческое достоинство смежников акушерского происхождения.

– Все веселитесь, Алексей Романович? – Злобно поинтересовались операторы.

Ответилось само. Двусмысленно. Фразой из когда-то модных псевдобелогвардейских стихов Владимира Раменского:

– Не надо грустить, господа офицеры,

Что мы потеряли – уже не вернуть...

Пусть нету отечества, нету уж веры,

И кровью отмечен нелёгкий наш путь.

Уже в конце операции, при зашивании кожи:

– Ну что, сударыни, наконец-то кончаете?

– Заканчиваем...

– Для меня разницы никакой. В обоих случаях – чувство опустошенности и выполненного долга!

А писал я в истории болезни дневник, иногда растягивая, иногда сжимая буквы, чтобы каждое предложение выходило в одну строчку. Думаю, что все равно никто читать не будет, но если прочтут, то не жалко. Кстати, вряд ли кто-то догадается в чем сама мораль, не подозревая о существовании термина «акrostих», точнее в нашем случае «акропроза». Запись-то вот:

³² Лекарство такое. Вводится в спинномозговой канал при спинальной анестезии.

*За время наблюдения состояние отн. удовлетворительное.
Адинамична, малоактивна.
Естественные отправления в норме.
Болевой синдром не выражен.
Аналгезии не требует.
Лапаротомная рана сухая.
Особых жалоб не предъявляет.*

О хрониках пикирующего бомбардировщика... 8:15 АМ.

– Отдежурившая смена – барышня с радиопозывным «отличница», барышня с радиопозывным «ещё одна разьё... э-э-э... легкомысленная особа» и юноша, я бы даже не побоялся этого слова, человек (и пароход) -легенда с радиопозывным «Алексей Романович» – как-то странно-радостно переглядываются и тупо подхихикивают.

– Стакан бы сейчас накатить... – мечтательно мечтает юноша, человек и пароход-легенда. – Но мне к частным онкологам до глубокого вечера. Не поймут.

– А я на лекцию. – грустно соглашается отличница.

– А я... – задумывается девушка с самым длинным радиопозывным. – А сейчас приду домой и коньячку выпью...

– С утра? – слышен голос прогрессивной общественности, явно потрясённой разлагающим влиянием старого, мудрого и морально нестойкого воина на неокрепшие умы начинающих трудовой путь молодых (это не недостаток, это наоборот) докториц анестезиологического призвания.

– Не с утра, а перед сном – барышня с самым длинным радиопозывным, проведшая совместную ночь в веселой компании наглядно продемонстрировала прогрессивной общественности всю глубину нравственного падения...

Примерно 11:15 РМ (Примерно за девять часов до описываемых событий).

– Алексей Романович, как ночь делить будем? – барышня с радиопозывным «ещё одна разьё... э-э-э... легкомысленная особа» интересуется особенностями совместного проведения предстоящей ночи.

Потому что даже распоследнему идиоту понятно, что бдящий до 3:00 АМ в большинстве случаев спит меньше спящего до 3:00 АМ, хотя никто и никогда не говорит об этом вслух. И особо одарённые личности всегда находят массу причин, чтобы дежурить вторым. Сложная и легко ранимая, но творческая натура с радиопозывным «Алексей Романович», наблюдая за дележом ночи двумя одаренными личностями, даже перепела когда-то исполняемую старым другом русского народа В. К. Кикабидзе и любимую женщинами балзаковского возраста песню «Вот и встретились две хитрожопости, развели у дороги костёр...».

– Монетку бросим? – старый, но мудрый воин трепетно относится к знакам судьбы, он помнит, что судьба за попытки обмана наказывает. Жестоко наказывает.

– Да ладно, я все равно долго не сплю. Давайте я первую половину возьму... – то ли вправду не спит, то ли старый и мудрый воин выглядит не столько мудрым, сколько старым, жалким и поношенным, но глупо отказываться от предлагаемых предпочтений.

– Бери, жалко что ли... – как потом выяснилось, лучше бы бросали монетку...

Примерно 3:15 АМ (Примерно за пять часов до описываемых событий).

– Алексей Романович, вставайте! – именно с этого вопля представителя славного племени хирургов и началась выясняемость того, что лучше бы бросали монетку. – Там больной крайне тяжелый! Почти умирающий!

– Что ж ты, блять, орешь-то так! – отозвался юноша, человек (и пароход) -легенда с радиопозывным «Алексей Романович», – Меня обычно легкими и почти живыми пугают...

– А можно я с вами пойду? – проявила интерес честно отскакавшая свою первую половину ночи барышня с радиопозывным «ещё одна разьё... э-э-э... легкомысленная особа».

Молодая еще. Не понимает, что при таких истощных воплях лучше всего оказываться как можно дальше от места происходящих событий. Чтоб даже свидетелем не проходить. Значит продолжим педагогический процесс. Во время передвижения прыжками до комнаты с разными веселыми лекарствами и обратно в операционную.

– Никогда не верь хирургам. Нае... э-э-э... ну, короче, обманут, – фотоэлементно-работающая дверь операционной покорно отъехала перед атлетичной фигурой лектора и открыла веселую картину: толпа народа и в середине качающая сердце барышня с радиопозывным «отличница», видимо, как самая здоровая – ее бы и в наилегчайшую боксерскую весовую категорию, которая до 48 кг, не приняли, чтоб не убить случайно – и наш главный герой продолжил изложение обучающего материала своей спутнице – Как сейчас. Сказали, что почти умер, а он уже зачехлился. И наши дистрофики переложили реанимационные мероприятия на самую здоровую и компетентную.

– Свали на хер... – так корректно старший товарищ попытался отогнать молодую докторицу от исполнения ею служебных обязанностей из боязни обморока от истощения сил, благо она в однеху уже успела и заинтубировать, и на искусственную вентиляцию легких посадить.

– Алексей Романович, с венами беда... Центральную надо. Я покачаю. – вышешпоименованные дяденьки даже не предложили сменить. Может и правильно. Я всегда говорил, что у нас работа умственная, с ней не все справятся.

– УЗИ прикатить? – это подала из-за спины голос барышня с длинным позывным. Молодец, по делу помогает. И ненавязчиво. – Некогда, – ответил самопровозглашенный педагог-наставник и вперся уже поданным в руки шприцем со специальной иглой в подключичную вену. Не обрабатывая ни себя, ни пациента³³. Из любимой точки им. тов. Mogil'a³⁴. Потому что во времена, когда Алексей Романович впервые шприц с вышешпоименованной специальной иглой в руки взял, о существовании аппарата УЗИ он знал только теоретически и не подозревал, что к моменту дембеля он будет проделывать эту манипуляцию с его помощью. – Лучше электроды налепи и подключи к кардиомонитору³⁵...

Можно было поднять глаза и оценить обстановку. Секунд пять-то есть. «Хорошее ранение. Просто замечательное. Наносить должны профессионалы, но получается чаще всего у алкашиков по пьяни. Пах» – бортовой компьютер работает, мысли шелкают, как костяшки на счетах у продавцов из детства.

– Бедренная артерия?

– Да.

«Пока ранили, пока полиция, пока скорая... Он не один раз кровью истечь должен» – мысли в голове крутились понятно какие, но исполнения обязанностей никто не отменял. Да, парень выглядел асоциально, но понимание, что каждого кто-то ждал из роддома и провожал в школу позволяет оставаться человеком. Несмотря ни на что. А значит танцуем...

– Адреналин! – и массаж. Непрямой массаж сердца. – Адреналин!..

Примерно 3:45 АМ (Примерно за четыре с половиной часа до описываемых событий).

– Все! Констатируем!

---

³³ До заражения крови еще дожить надо, что, у на данный момент мертвых, есть перспектива весьма сомнительная, а время сильно дорого

³⁴ Непричастным рассказывать не буду, ибо есть ощущение, что и не все причастные подозревают о ее существовании

³⁵ Это когда в кино крупным планом кривульки такие га экране бздынь-бздынь и всем понятно, что сердце типа бьется)

– Почему? – истошно-вопросительно ответственный хирург – миноносец «Стремительный», грозно возвышающийся в стороне. На помощь, кстати, так и не пришедший. Поэтому качал один и спина мокрая. – Почему констатируете?

– Потому что реанимационные мероприятия успеха не имели.

– Вы должны полчаса качать, а вы качали только двадцать восемь минут!

– Муд-дак! – сквозь стиснутые зубы прошипел мокрый (по пояс сверху) анестезиолог с радиопозывным «Алексей Романович» и продолжил массаж сердца. Мокрый потому, что двадцать восемь минут массажа сердца – это, конечно, не двадцать восемь минут отжиманий от пола, но где-то рядом. А продолжил потому, что криминал, Следственный Комитет и полная операционная свидетелей, слышавших про двадцать восемь минут, хотя занятие это бессмысленное. На тебе, идиот, еще две минуты. И пять минут комплимент от шефа!

– Алексей Романович, есть сокращения на ЭКГ! – подала голос анестезистка между введениями адреналина.

Поднять глаза.

– Т-твою же мать! Я завел пустое сердце...

Эскадренный миноносец «Стремительный» что-то бухтел про «я же вам говорил», но на него внимания можно было не обращать, а вот на трущихся в паху...

– У нас рана закровила! – да. Течет. Что-то бледно розовое.

А теперь мой сольный концерт начинается.

– Шейте! Группу и резус определили? – это тебе, родной, за две минуты. Попью кровушки. – Пока сюда всю первую отрицательную.

– Как? Нельзя без определения!

– Мне можно³⁶! Я расписываюсь! – ткнув пальцем в анестезистку – А ты адреналин в дозатор! Льем во все вены.

Пустое сердце шло. И мы даже держали давление. Откуда-то появилась барышня с радиопозывным «ещё одна разъё... э-э-э... легкомысленная особа» и зашептала мне на ухо:

– Два пакета первой отрицательной принесла, сейчас ординатор группу и резус определит, сколько готовить?

– Всю плазму и эритроцитарную массу. И еще заказывайте.

– Хорошо. Я закажу и пойду бумаги вам писать.

Спасибо тебе, девочка. Ты дважды молодец. Потому что осталась – некоторые бы ушли и были бы в своем, хотя и неписанном, праве. А еще потому, что села писать. Лист формата А4, заполняется с обеих сторон. Даже если быстро, то минут пятнадцать на каждый. Листов в этот раз вышло тринадцать...

Примерно 7:45 РМ (Примерно за полчаса до описываемых событий).

– Принимай на аппарат!

– Откуда такой красивый?

– Из операционной. Ножевое, бедренная³⁷. В операционной, клиническая смерть, завел. Сначала стабилизировался, потом все снова валиться начало. По четыре литра. крови и плазмы. Последние полтора часа адреналин за пределами. Жаль, я кураж поймал и надеялся, что может быть...

10:15 АМ (Через два часа после описываемых событий).

---

³⁶ Вообще-то настоятельно не рекомендуется, но если совсем край и под личную ответственность. Хотя что у нас не под личную ответственность?

³⁷ Бедренная артерия. Скорость кровопотери около полутора литров в минуту

Из записи в дневнике «... Реанимационные мероприятия успеха не имели. Констатирована смерть...».

Ну да, ну да. Старый я, чтобы верить в чудеса и сказки...

О воспоминаниях...

– Вы прочитали согласие? Вопросы ко мне есть? – Вот у вас написано осложнение «летальный исход (смерть)» – у вас умирали?

– Тьфу, ты, блять, овца тупая! – Это Алексей Романович про себя, то есть молча, обратился к своему собеседнику в задней черепной ямке. А потом вслух к пациентке. – Посмотрите на меня. Я похож на человека, у которого нет своего кладбища?

– Нет, я понимаю... – то есть сомнений по поводу моей внешности не возникло. Уже хорошо. Но ее вопрос я не понимаю. Начиталась всякой ху... э-э-э... свободной прессы о смерти пациентки у наших арендаторов, когда в операционной не было ни одного нашего сотрудника. Спасибо им, кстати. Алексей Романович третью неделю без выходных работает, ибо наша дирекция решила дать арендаторам возможность закончить операционный список только с нашей (нет, не так – с НАШЕЙ) анестезиологической службой. Доверяют, бля! Зато за деньги. Но еще двадцать одну операцию разгрести...

– Вы хотите спросить, были ли у нас смертельные случаи? У нас (она может и не услышать, но У НАС произнесено отличимо от прочего текста) смертельных случаев не было. – И не соврал. Почти. Или не почти тут сплошная юридическая казуистика...

То, что надо вернуться на работу, Алексей Романович осознал через час после приезда домой, поев и употребив соточку в качестве аперитива, в 21.30. Паззл в голове еще не сложился, но крайне полезный в хозяйстве прибор жопометр настойчиво зудел в красном промежутке. Потом дошло – не должно после лапароскопии³⁸ так болеть плечо³⁹ в первые сутки. Ибо кладбище. У него есть свое кладбище...

Когда он начал вызывать такси жена озабоченно поинтересовалась:

– Ты куда?

– Целовать верблюда? – деликатно ответил Алексей Романович, и продолжил, не вдаваясь в дискуссии. – Скоро приеду.

Скоро и приехал. Подняв тревогу, отработав по краешку, по самому по краешку, наркоз. С удовольствием перемежая нормальную речь вполне себе печатными междометиями и сделав все, что можно и что нельзя⁴⁰ (нет, не так – НЕЛЬЗЯ) тоже. Через семь с половиной часов. Потому что в нашей (нет, не так – с НАШЕЙ) анестезиологической службе не умирают, даже если кровопотеря около двух литров.

Мы мальчики и девочки большие, поэтому все всё понимают, только не говорят об этом вслух.

– На теплоходе на День медика едете, Алексей Романович? – это Светлана Петровна, шеф нашей (нет, не так – НАШЕЙ) гинекологической службы, уехавшая спать в тот день не сильно раньше меня.

– Конечно еду. Мне Директор за героизм кроме ящика алкоголя, похотливых девчонок обещал подогнать бонусом.

– Чо это со стороны-то, Алексей Романович? – ревниво вмешалась в беседу операционная сестра Клавдя.

---

³⁸ Операция через «дырки в животе», а не через разрез.

³⁹ Бывает после лапароскопий, но не сразу после операции.

⁴⁰ Кстати, нашему герою во время очередной учебы никто из так называемых преподавателей не ответил – прямое переливание крови анестезиологом во время проведения наркоза – это еще административная, или уже уголовная ответственность. По ныне действующему законодательству запрещено все. Тем более при куче свидетелей. Но это автор написал просто так, для информации.

– Хорошо, я передам ваши пожелания по оптимизации Директору. Но тогда ты в этом списке не единственная... – целомудренно ответил антигерой дня.

А так-то да. Элементы самоудовлетворения (я не про онанизм, по-нашему, по-научному, мастурбацию). Я про кип смайли. И не напрягает, что на буфете у этой барышни должны, но никогда не будут, стоять фотографии всей нашей (нет, не так – НАШЕЙ) бригады. Потому что тяжкие воспоминания бывают только у живых, а про нас помнить не надо. Так лучше всем...

Об интимных пластиках...

– Как говорят в мультфильме про Фиксиков «Ты-дыщь!»... – ну, вот она и не истерит, как 30 секунд назад, ибо крепкий сон – признак хороших нервов. У анестезиолога. Не, минимизацию времени пребывания пациента на операционном столе как одну из задач вверенной ему службы, Алексей Романович практикует не из гуманизма. Людей, за крайне редким исключением, он не любит, он их, включая себя, терпит, а чтоб терпеть поменьше и оптимизирует лечебный процесс. Вот, помнится, главный врач Клиники Федерального Подчинения оптимизировал его из чувства гуманизма – усыплять пациента на каталке в предоперационной, потом спящего и не дышащего перевозить его на той же каталке и перекладывать операционный стол ручками наличествующего личного состава. Сам додумался или подсказал кто, осталось невыясненным, а вот кто первым сказал: «Да пошел он в жопу со своими инновациями!» – я знаю, но на всякий случай не скажу. Опять отвлекся. Все как всегда...

– Как говорят в мультфильме про Фиксиков «Ты-дыщь!»... – Алексей Романович зачихнул в несчастную пациентку ларингеальную маску⁴¹, открыл наркозный газик и уставился на кольцо на пальце жертвы. – Не понял! Почему металл на руке?

– Она снимать отказалась. Сказала, что это жених подарил на помолвку. Если снимет – то поссорятся. – Анестезистка Ангелина девочка умная и понимает, что ее суровый начальник настолько суров только согласно правилам игры. По-настоящему его из себя только гинекологический Доцент вывести мог.

– Да ладно, Алексей Романович. Здесь гименоластика⁴², электроножом работать не будем. – Операционная сестра Клавдя вступается за... э-э-э... как будет боец женского рода?.. невидимого фронта, которая в операционной самая незаметная, но необходимый предмет всегда оказывается на месте ровно за десять секунд до того, как анестезиолог протянет за ним руку.

– Вот себе нихерасеньки! – недоумевает Алексей Романович. – Опять не понял! Кольцо снять – семейная жизнь расстроится, а обезьяну на стороне почесать – это брак укрепит? Деньги как я понял у родителей взяла?

– Родители не знают... – подала голос со своего боевого поста между ног потерпевшей оперирующей гинеколог Светлана Петровна.

– У жениха? – продолжает недоумевать Алексей Романович.

– При чем тут жених? – начинает логические рассуждения операционная сестра Клавдя. – Говоришь папе, что нужно сорок тысяч на плащ от кутюр, а потом его украли...

– Какие сорок? – очередь недоумевать оперирующему гинекологу Светлане Петровне. – Эта операция вместе с наркозом восемнадцать стбит.

– Ну вы даете... – теперь недоумевает от недогадливости собеседников операционная сестра Клавдя. – Берешь сорок, тогда и девичья честь нетронута и деньги на карманные расходы останутся. А плащ украли...

---

⁴¹ Приблуда такая фаллоформная для обеспечения проходимости дыхательных путей во время наркоза.

⁴² Операция такая для повторного обеспечения девичьей невинности после забав чреслоблудных.

О размышлениях...

– Вот, девочки, это вам к чаю. – В комнату приема пищи, где выползшая минут на десять операционная бригада, жадно чавкая и сыто рыгая, метала в себя разогретую в микроволновке больничную вкуснятину, просунулась голова и рука вчерашней пациентки, а потом рука положила на стол шоколадку.

– Чай – не водка, много не выпьешь. – раздался голос явно не Доктора Айболита, лениво заливающего в себя очередную чашку кофе, ибо время завтрака (всего 12:00 AM) у него еще не наступило. Доктор, хотя и был не Айболитом, но тоже гуманист. Подавились не все. Только половина. Двоих (больше рук не было) он похлопал между лопаток. – Быстро. Жрем и вперед. У нас еще трое! Потом не Доктор Айболит сполоснул чашку и поиграл желваками, покосившись на дверь. Вспомнилось ему. Вчерашнее...

– А какими препаратами вы мне будете проводить наркоз?

– Я, конечно, отвечу, но зачем вам это? Вы отягощены парамедицинскими знаниями?

– Я в медицине работаю!

– Если не секрет, кем?

– Программистом!

Доктор не Айболит тяжело вздохнул, поиграл желваками, он это периодически проделывает незаметно для окружающих и собрался с силами отвечать, вспомнив словосочетание «партисипативность⁴³, блять»...

– Вы прочитали информированное согласие на наркоз? Вопросы есть?

– Почему у вас там все страшное перечислено?

– В соответствии с действующим законодательством. – Внимательный взгляд на собеседницу над очками. В глаза смотрим, большинство этого не выдерживает. – Депутаты принимают законы, мы их соблюдаем, хотя лично я все больше сомневаюсь в разумности перечисления возможных осложнений и в возможности принятия осознанного решения человеком, находящимся под психологическим давлением вследствие прочтения этих перечислений. Но я от депутатов давно ничего разумного не жду, впрочем, это к делам нашим скорбным не имеет никакого отношения. Давайте я вам лучше побудительные мотивы объясню – если осложнения случатся у вас, меня ругать будут. Теперь внимательно смотрите на мое умное и доброе лицо – мне это надо? Убедил?

– Но у вас же... – ну, давай-давай, договаривай.

– Но у вас же смертный случай был!

– Глупо скрывать разошедшийся по желтым средствам массовой информации факт. Но не у нас. На нашей территории.

– А какая разница?

– Небольшая есть. Повторяю, не у нас. А в клинике, в которую вы обратились. Она арендовала у нас стационар по выходным и там не было ни одного нашего сотрудника. Более того, наше руководство разорвало с ними все отношения, все операции, которые нельзя отменить проводятся при участии и под контролем наших шефов анестезиологической и гинекологической служб. Один из них с вами сейчас и беседует...

– А-а...

---

⁴³ Метод организации взаимоотношений, способствующий формированию взаимной ответственности, сотрудничества (альтернатива авторитарности).

– Вы хотите спросить, почему и как все произошло? – а чего бы умище не продемонстрировать, тем более, если люди и не подозревают, как они предсказуемы?

– Да, именно это...

– Не знаю. Меня там не было. Я не следователь и не эксперт, чтобы рассуждать о том, чего не видел. Тем более мы со Светланой Петровной и остальной операционной бригадой третью неделю без выходных х-ху... (проглочено какое-то неразборчивое слово) работаем, потому что наш операционный список тоже никто не отменял. Теперь убедил?..

Кстати, да. Третью неделю. Ты так часто утверждал «я как секретный военный кабель – трехжильный и в стальной оплетке», что «время пришло, старичок, отвечать за базар». Так исполнял когда-то слушаемый певец песен ртом, которому ныне для внутреннего употребления присвоено псевдо «Киса Воробьянинов», потому что бывший депутат Государственной Думы. Соответственно, изображать трехжильность в стальной оплетке можно и нужно, даже если сигареты стали уходить в два раза быстрее. Ты узнал, что за грудиной бывает... Нет, не боль... Что-то. Помогает, кстати, никому не слышное сипение. Неполное смыкание голосовых связок, именуемое мудреной аббревиатурой auto-PEEP. Да, положительное давление в конце выдоха увеличивает насыщение крови кислородом.

И гонка. Нет хирурги ничего не говорят. Просто заглядывают в операционную взглядом гадящей собаки. А чего бы и не заглядывать – они чередуются. Ты нет. Поэтому только повторение про себя сакральной мантры – «Чек-лист». Разработанный самим собой для самого себя набор показателей, с которыми можно вывозить в палату и ни шагу назад. Для этого и мантра. Впрочем, даже не отступая от чек-листа, можно обогнать хирургов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.